

Хэ Даюн чувствовал себя так, словно на него один за другим обрушивали тяжелые гранитные блоки. Противостоять любому из этих ведомств по отдельности было выше его сил, а уж столкнуться со всеми сразу...

Хотя он всё ещё старался сохранять лицо, в душе его поселились сомнения. Скольким же людям успела перейти дорогу биотехнологическая компания «Сухэ», если против неё ополчились такие силы?

Слухи о документе GT200 действительно до него доходили. Поскольку за проектом стоял сам Цзян Вэйдэ, его влияние на отрасль было колоссальным. Но странность заключалась в том, что содержание этого файла окутывала завеса тайны: все вокруг твердили о его невероятной важности, однако подробности знали лишь в исследовательском институте «Хунсо» и в очень узких кругах посвященных.

Осведомленные люди держали язык за зубами, ограничиваясь лишь туманными фразами о том, что это событие мирового масштаба, способное пошатнуть стабильность всего сектора. Утверждалось, что работа идет полным ходом, и результаты скоро будут явлены миру.

Директор, будучи опытным игроком на этом рынке, задействовал все свои связи, но так и не смог разузнать ничего конкретного.

Откуда же об этом знает этот юноша? Неужели всё и впрямь связано с биотехнологической компанией «Сухэ»?

Корпорация со стороны казалась непотопляемым линкором, но что, если на самом деле она — лишь прогнившее судно, которое уже дало течь и медленно идет ко дну?

Если бы Ли Жун был один, Хэ Даюн лишь посмеялся бы над этими словами, несмотря на незаурядные способности, которые тот только что продемонстрировал. Но рядом был Цэнь Сяо.

Тот был сыном председателя Третьего района и действующим оперативником «Призрачного глаза». У него не было причин впутывать в эту ложь Первый, Третий, Четвертый и Девятый районы. Последствия подобного блефа были бы слишком суровы.

Хэ Даюн изо всех сил изображал спокойствие, но его спина уже взмокла от пота. Он был намертво связан с биотехнологической компанией «Сухэ», но для них он — лишь одно из щупалец для выкачивания денег. Как только корпорация поймет, что к нему приковано внимание «Хунсо» и Объединенной палаты, они, не колеблясь, «отсекут конечность», чтобы спасти всё тело.

В этот момент, когда мужчина окончательно потерял опору под ногами, в тишине кабинета звякнул его мобильный телефон. Этот живой, бодрый звук уведомления заставил директора вздрогнуть.

Поспешно вытерев лоб, чтобы скрыть панику, он опустил взгляд на экран. Пришел ответ от высокопоставленного руководителя биотехнологической компании «Сухэ».

[Хэ Даюн: Сегодня здесь был отряд «Призрачный глаз», они кое-что нашли, дело принимает скверный оборот! Господин Чжэн, не могли бы вы уладить вопрос с Хань Цзянем? Я готов заплатить любые деньги!]

[Господин Чжэн (Сухэ): Это исключено. «Призрачный глаз» уже прекратил расследование, не надо паниковать. Через пару дней Шестой район расформируют, так что спите спокойно.]

Прочитав это, Хэ Даюн почувствовал, как сердце ухнуло в бездну. Чаша весов в его душе качнулась, и последней соломинкой, решившей исход, стало это сообщение. Вес этой крошечной детали оказался невыносимым, он буквально лишал возможности дышать.

То, что вызывало у него такой ужас, то, что ставило под удар всё будущее фармацевтической компании «Мэйцзян» и судьбу его семьи, в глазах президента Чжэна было лишь пустяком, на который можно ответить небрежным «спите спокойно».

Его не покидало ощущение, что его уже списали со счетов.

Если «Призрачный глаз» действительно свернул работу и до ликвидации Шестого района осталось всего два дня, какой смысл Цэнь Сяо сидеть здесь и продолжать копать? Сообщение президента Чжэна больше походило на попытку усыпить его бдительность. А когда он опомнится и захочет что-то предпринять, будет уже слишком поздно.

Хэ Даюн прекрасно понимал: его фирма для корпорации — пустое место. Город Ян находится в глуши, он никогда не был частью ключевой сети интересов «Сухэ» в столице. Если он исчезнет, они просто отрастят себе новое щупальце.

Он чувствовал себя рыбой, выброшенной на берег. Ему оставалось лишь ждать смерти в стремительно высыхающей луже.

Директор хотел было написать что-то еще, но, занеся палец над клавиатурой, ощутил приступ сильнейшей тошноты. А следом пришло мертвенное безразличие.

Ли Жун мгновенно уловил перемену в состоянии собеседника. Он не знал, что именно прочитал Хэ Даюн, но был уверен: эти новости сыграют им на руку.

На самом деле их блеф с «высокими покровителями» не выдержал бы серьезной проверки.

Если бы Хэ Даюн действительно связался с Цзянь Чанли или Ху Юймином, те бы всё опровергли, и их карточный домик рухнул бы. Вытянуть информацию после такого было бы практически невозможно.

Поэтому Ли Жун не собирался давать директору времени на раздумья. Он негромко рассмеялся, и его взгляд внезапно смягчился.

— Господин Хэ, вы еще помните, почему решили выпускать «Юаньхэшэн» двух видов? Белая лошадь — символ чистоты и победы, серая — предвестник смерти. Кому вы оставили это послание?

С этими словами юноша медленно поднялся и направился к Хэ Даюну. Каждый его шаг словно отдавался в истерзанной совести мужчины.

Остановившись напротив этого отекавшего, покрасневшего лица, Ли Жун заговорил без тени насмешки. Напротив, в его голосе прозвучало нечто похожее на жалость:

— Я знаю, что это была не воля биотехнологической компании «Сухэ». Это было ваше решение.

Договорив, Ли Жун протянул руку и ухватился за цепочку на шее Хэ Даюна. Несильным, но уверенным рывком он вытянул на свет крест. На серебряном распятии поблескивал зеленый бриллиант. Украшение было безупречно красивым и в то же время пугающе холодным.

Стоило Ли Жуну упомянуть «белую лошадь», как мысли директора окончательно спутались. Он не успел уклониться, лишь испуганно вжал голову в плечи. Кожа на шее натянулась под цепочкой, выставляя крест на всеобщее обозрение.

Хэ Даюн хотел было спрятать его, но руки стали тяжелыми, словно налитыми свинцом. Он завороченно смотрел на сияющее серебро, и ему казалось, что распятие пылает невидимым огнем, обжигая его душу. Ему было невыносимо больно от этого света, но он не мог отвести глаз, инстинктивно ища в нем тепла и искупления.

Видя, что жертва окончательно попала в ловушку собственных эмоций, Ли Жун нанес решающий удар:

— Вы прекрасно знаете, чем занимается «Сухэ Шэнъю». Вы знаете, что натворили сами. Тень ваших поступков легла на всю индустрию. Зачем же вы отправили Хэ Чанфэна изучать биохимию? Вы хотели, чтобы он унаследовал ваше дело? Чтобы он продолжал торговать человеческими жизнями, забыв о совести? И почему вы так и не решились открыть ему правду?

При звуке имени сына Хэ Даюн вскинул голову, на миг забыв о кресте. Сейчас он напоминал

марионетку, которая реагирует лишь на самые важные рычаги в своей жизни.

— Хэ... Чанфэн? Мой сын? Откуда вы знаете моего сына?

Ли Жун смотрел на него спокойно и пронизательно.

Мысли в голове собеседника начали медленно вращаться.

— Ах да... вы ведь из Университета А... мой сын тоже учится там...

Осознав это, он почувствовал новый приступ страха. Лавина информации обрушилась на него, путая и без того зыбкие связи. Он не знал, как защитить себя и, что более важно, как защитить Хэ Чанфэна.

Ли Жун медленно достал из кармана диктофон и, поднеся его к лицу мужчины, нажал на кнопку воспроизведения. После нескольких секунд шуршания из динамика раздался голос Хэ Чанфэна:

— В будущем я обязательно расширю наш семейный бизнес. Нужно хоть что-то изменить, иначе какой смысл был изучать биохимию?

— ...Наши инновационные препараты всё еще сильно отстают от зарубежных. Когда я возглавлю компанию, я сокращу этот разрыв!

В конце прозвучал спокойный и серьезный ответ Ли Жуна:

— Хорошо. Буду ждать этого дня.

Хэ Даюн застыл, глядя на диктофон. Запись оборвалась, но голос сына продолжал звучать в его голове, словно кто-то нажал кнопку повтора.

Он был человеком, который однажды сумел вернуться с самого края пропасти. Он мог выдержать любое давление, но эти искренние, наивные слова сына сломили его.

Директор всегда считал Чанфэна ребенком. Ему казалось, что тот говорит глупости, ведет себя самонадеянно и вызывающе, а его наставления пропускает мимо ушей.

Оказалось, это не так.

Оказалось, сын запомнил каждое его слово и с гордостью пересказывал их другим.

Хэ Даюн приоткрыл рот, его пальцы судорожно дернулись. Зрение внезапно затуманилось, и по щекам покатились слезы. Казалось, он сам не мог поверить, что плачет на глазах у врагов.

Он неуклюже вытер лицо тыльной стороной ладони, но слезы продолжали литься потоком. Слезные железы словно вышли из-под контроля рассудка, упрямо выставляя его на позор.

На самом деле он и сам не знал, почему так настаивал, чтобы сын пошел по его стопам. Был ли это его каприз или желание самого Чанфэна? Не навязал ли он ему свою волю?

Когда-то давно и у него были такие же светлые мечты.

Теперь его план удался, и Хэ Чанфэн действительно сделал эти цели смыслом своей жизни. Но от этого Хэ Даюну было невыносимо горько.

Ли Жун наблюдал за тем, как мужчина пытается подавить рыдания. Это зрелище не казалось ему забавным. Только трагичным.

— Хэ Даюн, как вы собираетесь смотреть в глаза сыну? Скажете, что всё это было ложью? Расскажите о своих грязных делах, чтобы растоптать его уважение к вам? Чтобы в один миг разрушить ценности, которые формировались десять лет? Как вы посмели воспитать его порядочным человеком? Порядочный человек не сможет жить с такой правдой.

Глаза Хэ Даюна налились кровью, всё его одутловатое лицо было покрыто мокрыми дорожками.

Наконец он зажмурился и тяжело, надрывно вздохнул:

— Огромное здание вот-вот рухнет, и одной балке его не удержать...

Он покачал головой с горькой усмешкой, схватил со стола чашку с остывшим чаем и жадно выпил её в несколько глотков, не обращая внимания на попавшую в рот заварку.

Холодный чай немного привел его в чувство. Мужчина скомкал салфетку, небрежно вытер лицо и поднял покрасневшие глаза на Ли Жуна.

— Я слишком недооценил тебя, — прохрипел он. — Кто ты такой на самом деле?

Ли Жун помолчал, после чего негромко ответил:

— Рано или поздно вы это узнаете. А сейчас... решение за вами.

Хэ Даюн всматривался в это красивое и пугающе спокойное лицо, пытаясь разглядеть хоть тень скрытых эмоций. Но там не было ничего. Даже гнева.

В этот критический момент, когда директор сам потерял контроль и захлебывался слезами, Ли Жун оставался невозмутимым, словно лишенный чувств механизм. В его ясных, пронизательных глазах не было ничего, кроме требования ответа.

Мужчина отвел взгляд и уставился в пол. Из-за возрастных изменений узор на линолеуме поплыл перед глазами, превращаясь в жуткую, непреодолимую воронку. Он чувствовал, что погружается в нее всё глубже, и не было силы, способной вытащить его на свет.

— Если я заговорю... — пробормотал Хэ Даюн едва слышно. — Вы действительно дадите мне шанс выжить?

Ли Жун обернулся и посмотрел на Цэнь Сяо.

Тот едва заметно кивнул, и в его взгляде читалось серьезное, мягкое ободрение:

— Ты можешь принимать любое решение.

«Какое бы решение ты ни принял, я готов разделить последствия».

В глазах Ли Жуна на мгновение промелькнула улыбка, и он снова повернулся к Хэ Даюну.

— Говорите.

У директора перехватило дыхание, в горле словно застряла колючая пыль, причиняющая резкую боль при каждом движении. Тем не менее, он заговорил, отчетливо произнося каждое слово:

— Я действительно совершил для биотехнологической компании «Сухэ» одно очень важное дело.

<http://bllate.org/book/15351/1500375>